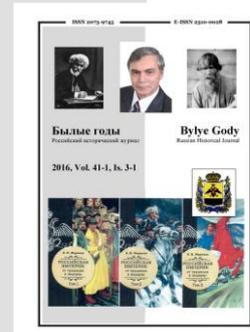

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 973-980, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Historical Psychology in Boris Mironov's "Russian Empire"

Vladimir A. Shkuratov^{a, *}

^a South Federal University, Russian Federation

Abstract

According to Vladimir Shkuratov, the contradictions in the development of historical psychology are associated with the fundamental methodological difference between the two modern disciplines of the humanities and social sciences: the historian works with the documents of the past, psychologists with instrumental and test data on living people. Combining the two cognitive systems into a sustainable system of scientific research has so far been unsuccessful. This explains Mironov's appeal in the book "Russian Empire" to the sociological classic of the second half of the 19th to the early 20th century – Durkheim's doctrine of collective representations. The latter is supplemented by the customary dichotomy of "primitive mentality"/"rational mentality" in the wording of L. Levy-Bruhl. Shkuratov notes that, in parallel with the initial thesis that the collective representations of peasants in the 18th to the first half of the 19th centuries conformed to the Christian ideal, an antithesis was formed about the mythological type of consciousness of rural and urban folk. "Mythologiques," according to L. Levy-Bruhl and C. Levi-Strauss, belong to primitive peoples, while Christianity is part of the genealogy of European rationality. Because of this, Shkuratov proposes a separation of traditionalism from the archaic and a consideration of the Russian mentality in the relationship of three or more socio-cultural orders. Evaluating Mironov's monograph as a whole, Shkuratov believes that the enormous historical and empirical material of the book confirms the idea of the forward movement of the economy, public administration, social structure, wealth, and Russian culture from the beginning of the 18th century to 1917.

Keywords: Russian Empire; modernization; Russian culture; collective representations; historical psychology; mythological consciousness; archaism; traditionalism; modernity; happiness.

Компетенция и научные интересы автора данной статьи ограничивают его участие в обсуждении труда Б.Н. Миронова (Миронов, 2014; Миронов, 2015а; Миронов, 2015б) третьим томом «Российской империи...», а более конкретно – главой 12 «Русская культура в коллективных представлениях» (Миронов, 2015б: 371–589). В начале подраздела этой главы, озаглавленного «Психологические, социальные и политические последствия низкой грамотности», содержится апелляция к исторической психологии, следовательно, отчасти и ко мне. Уважаемый автор справедливо сетует на слабую разработанность указанной сферы знания, на то, что историки и психологи не проявляют к ней большого интереса, «в особенности к вопросу исторических типов мышления и сознания и их влияния на поведение» (Миронов, 2015б: 501).

* Corresponding author

E-mail addresses: narradigma94@yandex.ru (V.A. Shkuratov)

Я неоднократно объяснял причины такой странной, на первый взгляд, аберрации (Шкуратов, 1990; Шкуратов, 1997; Шкуратов, 2009). Они в кардинальном методологическом различии двух современных наук о человеке и обществе. Историки и психологи легко находят общий язык на уровне гуманитарной фразеологии, но испытывают затруднения в эмпирической конкретизации их совместных интересов. Ведь одни работают с документами прошлого, а другие – с приборно-тестовыми данными о живых людях. Совместить две познавательные системы в устойчивый научно-исследовательский комплекс до сих пор не удалось, и в этом причина угасания исторической психологии XX в. Полоса ее подъема на Западе – 1960–1970-е гг. В нашей же стране в 1990-х – начале 2000-х гг. произошел настоящий бум психолого-исторических тем и терминов. Но он не был креативным в плане научных открытий и развития теории.

Это была пора издания и чтения не изданных и не прочитанных в советские десятилетия книг. Отечественное общественно-гуманитарное знание *volens nolens* переходило с марксистских рельсов на немарксистские. Формационная доктрина заменялась цивилизационной, модными стали слова «культура», «духовность», «нарративы», «бессознательное» и особенно «ментальность». Общественное сознание, классовую психологию, общественно-психологический климат трудовых коллективов переписывали в ментальность эпох, малых и больших групп, народов, организаций. Тот бум усвоения новых идей и терминов прошел. Но и западные ресурсы, на которых работала российская гуманитарная перестройка, во всяком случае в исторической психологии, истощились.

Вполне объяснимо, что неопределенной теоретической конъюнктуре переходной полосы автор «Российской империи...» предпочел то, что относят к социологической классике второй половины XIX – начала XX в. – доктрину коллективных представлений Э. Дюркгейма. Последняя привычно дополняется дихотомией «примитивная ментальность – рациональная ментальность» в редакции Л. Леви-Брюля. Дюркгейм и Леви-Брюль были ровесниками, равными по академическому и научному статусу, но в плане методологической обобщенности взглядов последний принимал приоритет первого. Кабинетная этнология Леви-Брюля подарила историкам понятие ментальности во французской версии. Культивировавшая его школа «Анналов» давно пережила свой расцвет, но эпистемологический уклон, свойственный французской гуманитарной традиции, остался. Он присутствует также в постструктуралистской дискурсивной антропологии, отвергающей ментальную историю и пришедшей ей на смену. Общим для направлений, выходящих из указанного социал-реалистского корня, является то, что исследование строится от документальных артефактов, а не от наличного индивида. Подобная методологическая стратегия аутентична историческому занятию, однако в современной психологии реализован альтернативный ей экспериментально-тестовый вариант.

У французской мысли были оппоненты к северу, за Ла-Маншем, и к востоку, за Рейном. Из латинского корня *mens* (ум, мышление, образ мысли, настроение, мнение, воззрение) были выращены два противоположных значения. Английское *mentality* приобретает ученый статус раньше параллельного французского термина, но «ментальная философия», «ментальная химия» британского ассоцианизма не имеют ничего общего ни с историей, ни с коллективной психологией. Ментальность по-английски – достояние индивида, каждый хранит ее при себе, и раскрыть ее можно только самонаблюдением. В Германии же – стране классического идеализма и высокоразвитого естествознания Нового времени – формируется вариант перевода проблематики трансцендентального субъекта в стандартные эмпирические описания, который лег в основу современной психологии. Философским прародителем метода является И. Кант, его сциентизацией занялась экспериментальная наука. Субъектоцентризм связан с консолидацией места «одинокое стоящее субъекта» (Хабермас). Этот субстанциальный субъект переводится в агенты процедурного разума. Последний же конструирует человека как испытуемого в формальных алгоритмах исследования. Гуманитаристика черпает из современной психологии сведения, которые она применяет к людям минувших эпох. Однако историческая наука, которая не уловила посыл, альтернативный субъектоцентризму, отказывается от построения системы особого знания о человеке прошлого. Когда она примыкает к выкладкам психологии, то остается вне упомянутой системы, только с аналогиями. Их игра может быть и весьма увлекательной, однако в конечном итоге она для истории проигрышная, так как все построения современной психологии приводят к наличному испытуемому, помещаемому в

сетку приборно-тестовых процедур. Таковых у науки о прошлом нет и быть не может, даже если и нынешняя междисциплинарная методология соблазняет ее видами устной истории, живой истории, универсальной истории и т. д.

Можно насчитать по крайней мере пять трактовок исторической психологии: 1) все социогуманитарные исследования на стыке психологии с историческими науками; 2) изучение человека в составе исторических (история культуры) и психологических (психология развития) дисциплин; 3) одна из дисциплин современной психологии; 4) гуманитарная альтернатива всей современной психологии, основанной на экспериментально-тестовых стандартизированных процедурах; 5) историческая критика современной сциентистской психологии (Шкуратов, 2015).

Упомянутый Б.Н. Мироновым сборник 1971 г. (Поршнева, Анцыферова, 1971) был рекогносцировочной встречей историков и психологов в духе позиции 1. Из его авторов только Б.Ф. Поршнева имел вкус к методологическому творчеству, но он не пережил исторического материализма. Я считаю, что в далекой перспективе психологическая наука может стать триединством исследований человека прошлого, настоящего и будущего. В контексте реального состояния отечественного человекознания мои работы направлены на обоснование позиции 4.

Откликнувшись на теоретические ремарки подраздела «Психологические, социальные и политические последствия низкой грамотности», я перехожу к содержанию главы. Нельзя не заметить, что в ней хронологический диапазон рассмотрения раздвинулся от двух веков российской империи до тысячелетней государственности восточных славян. Это происходит потому, что автор *de facto* переходит к сопоставлению двух социокультурных порядков – дописьменного и письменного. Он искусно соединяет внушительную статистику с большим количеством литературных примеров.

Исходный тезис главы «коллективные представления крестьян в XVIII – первой половине XIX в. соответствовали христианскому идеалу» (Миронов, 2015b: 381), можно принять *mutatis mutandis*, но в масштабе 1000 лет даже и к имперскому периоду его надо применять осторожно. Нельзя не заметить, что попутно автор формирует антитезис к своему исходному положению, проводя нас через калейдоскоп обрядности и аграрной магии в среде российского народонаселения деревни и города, а в конце главы и вполне эксплицитно причисляет необразованных к мифологическому типу сознания. Стоит ли напоминать, что эти «мифологичные» и у Л. Леви-Брюля, и у К. Леви-Стросса есть люди первобытности, а христианство входит в генеалогию европейской рациональности? Суммирующий труд Д.К. Зеленина «Восточнославянская этнография» (Зеленин, 1991) рисует прекрасно сохранившийся массив древнейшего быта и языческих воззрений и практик в российской деревне как раз накануне коллективизации.

Дихотомия «мифологическое – рациональное» дает нам только предварительную разметку диапазона разных социокультурных порядков посредством выделения полярных точек шкалы. Работа по прорисовке диапазона должна продолжаться. Осмелюсь утверждать, что заимствование популярных идей и терминов современной психологии инициирует интерес к такой работе, а потом препятствует ей (вспоминается афоризм Ф. Вольтера о том, что женщины вдохновляют на великие дела, а затем мешают их осуществлению). Пример – программа исторической психологии Л. Февра 1930–1940-х гг., которая у его последователей перешла в историю ментальностей 1960–1980-х гг., а затем уступила место дискурсивному анализу, поскольку растеклась по разрозненным и хаотичным психологизированиям исторических источников. Применение же концепции стадийного развития интеллекта Ж. Пиаже к мыслительным процессам туземцев вылилось в проверку эффективности школьного обучения в странах третьего мира. Решающее влияние грамотности на личность и ее когнитивные процессы, то подтверждалось (Брунер и др., 1971), то отрицалось (Коул, 1997). Несомненно, однако, что роль школьного образования весьма ограничена там, где среда в основном остается традиционалистской, и в этом отношении данные Б.Н. Миронова о рецидивах безграмотности в дореволюционной русской деревне вполне созвучны результатам, полученным в Черной Африке и других регионах третьего мира в XX–XXI вв.

Напрашивается и более глобальный вывод о распространении современной ментальности в истории. Примеры показывают, что торможение ее прогресса преодолевается, когда альтернативный современности уклад оказывается почти полностью уничтоженным. На Западе крестьянство исчезло относительно постепенно, эволюционно, в

СССР – под ударами коллективизации. Если что и оказывает сейчас противодействие рыночно-либеральному развитию в России, то это сложившийся комплекс бюрократии-интеллигенции. Он является контаминацией современности и традиционализма.

Мое понимание социально-исторического генезиса этого комплекса в России было существенно прояснено предшественницей «Российской империи...» – «Социальной историей России периода империи...» (Миронов, 2000). Скрупулезнейший анализ формирования российских сословий в XVIII–XIX вв. стал фундаментальным вкладом ученого в историческую науку. Выкладки Миронова укрепляли мои представления о том, как на фоне этой поздней, насаждаемой сверху институциональной сословности возникала равная ей по влиянию просвещенческая триада «власть – интеллигенция – народ» и как политическая жизнь России переходила в конкуренцию двух письменных квазисословий – интеллигенции и бюрократии – при пассивном участии просвещаемых низов (Шкуратов, 2005; Шкуратов, 2006).

Однако возвращусь к рецензируемой главе и уточню мою позицию в перспективе заполнения диапазона с граничными пунктами «мифологическое – рациональное». Сначала я считал, что между ними поместятся разные социокультурные системы порождения психики (ССПП) (Шкуратов, 1990), затем предложил модель, составленную из нескольких антропокультур (культуры тела, слова, мысли, образа и т. д.) (Шкуратов, 1997; Шкуратов, 2009). Избегая навязывать концепции «Российской империи...» чуждые ей построения, не могу не увидеть в богатейшем материале книги возможность сдвига от бинарной оппозиции по крайней мере к триаде. Сделать такой шаг можно, отделив от традиционализма архаику.

Тогда обнаружится, что на протяжении рассматриваемого в труде имперского периода Россия существует в трех вполне дифференцируемых ментальных порядках, которые одновременно являются способами социализации человека, именно в архаической дописьменной, традиционно-письменной и современной культурах. Первая представлена мифомагическими практиками, вторая – преимущественно религиозной книжностью, третья – наукой, литературой, политикой и другими дискурсами Нового времени. В общих чертах ясна и хронологически-историческая принадлежность социокультурных страт. Первая относится к догосударственной первобытности, вторая – к феодальному Средневековью, третья – к буржуазно-капиталистическому порядку Нового времени. Разумеется, при конкретизации на историческом материале очевидность этих общих мест рассеивается, однако для начального обсуждения указанные трюизмы вполне подходят.

Российское крестьянство именуется в книге традиционалистским, так же как и православное духовенство. Но при этом в традиционализм крестьянства попадают и евангельская мораль, и, как замечает Миронов, применение магии на манер австралийских аборигенов, огнеземельцев, бушменов, пигмеев, эвенков, нанайцев и других доисторических этносов. Очевидно, что перед нами разные вещи, даже если они и сочетаются в русской деревне еще в начале XX в. Под традиционализмом я, вполне согласно с автором «Российской империи...», предпочитаю понимать отстаивание наличного уклада жизни и морально-религиозное сопротивление инновациям, индивидуализму, под архаикой же – своеобразное (нерациональное и ненаучное с нашей точки зрения) сопровождение базисных жизненных потребностей – органической витальности.

В моих книгах я рассматриваю архаику, традиционализм, современность с добавлением еще постсовременности как темпоральные ориентации, в аспекте организующей роли социального времени, содержательно же архаика попадает в рубрику телесной антропокультуры (Шкуратов, 2006; Шкуратов, 2009; Шкуратов, 2011). Однако оставлю эти уточнения для следующего витка теоретической работы.

Теоретически дописьменная мифомагическая архаика народа, книжный традиционализм и современная рациональность располагаются как стадии социокультурного развития. На практике, и особенно в России, преобразовать канонические схемы в историческую последовательность затруднительно. Конечно, можно опереться на безотказное «умом России не понять», но нам хотелось бы именно умом, причем в принятой интеллигентской терминологии. Поэтому лучше принять, что уклады у нас существовали, но вводились иначе и другими способами, чем в канонических случаях.

Дальнейшим движением к российским реалиям будет признание того, что книжный традиционализм распространялся на Руси медленно. К Новому времени церковь лишь поверхностно христианизировала основную славянскую массу. По существу, она успела ее

только окрестить. Автор констатирует, что церковный брак распространяется среди крестьянства не ранее XVI–XVII вв. Грамотно не больше 3 % населения. Соглашусь, что и на Западе дело обстояло немногим лучше. Переломными моментами массового христианского просвещения там стали Реформация и Контрреформация. Но средневековый Запад смог создать высшее образование, папский престол насаждал и зорко опекал сеть университетов. В России же распространять грамотность и выращивать ученое сословие пришлось государству. До петровских времен священники и дьяконы выбирались прихожанами. Их утверждал епископ, который экзаменовал избранника прихода. Вот тут и возникала проблема ученого сословия, которую смогло разрешить только государство. От кандидата в служители культа требовалось немного: знание служб, элементарная грамотность, но и такие грамотеи были на вес золота. Паства размножалась, церкви строились, но вести службу было некому, ставить же на кафедры неграмотных – этого даже на Руси не могли себе позволить. Кризис церковных кадров длился в Московии очень долго, больше двух веков, пока власть в своих целях не разрешила его весьма быстро – за несколько десятков лет. При этом она создала и духовное сословие, первое по сакральности, но, как убедительно показывает Миронов, приниженное, маргинальное и неустойчивое. Неудивительно, что в пореформенной России роль ума и совести нации переходит к подобию светского жречества – интеллигенции. Эта перестановка в иерархии культурно-идеологического лидерства чревата и социальными последствиями. Повторю, что стержень общественно-политических процессов в России с конца XIX по начало XXI в. вполне правомерно усматривать в конкуренции интеллигенции и бюрократии.

Советские авторы клеймили церковь за мракобесие, дореволюционные – гораздо более адекватно, за то, что она сделала мало и отдала свои просвещенческие прерогативы на откуп государству. Миронов легко опровергает наследников «абличительной» революционной пропаганды.

С моей точки зрения в книге несколько избыточно подчеркивается «отсутствие серьезных побудительных мотивов у широких слоев населения» (Миронов, 2015b: 499) к образованию. Мотивация мотивацией, но имелись и важные системные факторы, тормозившие продвижение грамоты на Руси. Ведь до конца XVII в. в стране не было сети регулярного обучения детей и взрослых. Я понимаю, что переобремененному огромным материалом автору было затруднительно втягиваться еще и в дискуссии о том, существовали ли в Древней Руси институт школьного образования, как оказалось на ней отсутствие университетов, почему Православная церковь отвергала Аристотеля и т. д. Однако едва ли можно отрицать, что этот клубок проблем придется распутывать, если мы хотим проследить движение просвещения в нашей стране и соотношение его традиционалистской и современной ветвей.

В суммирующем выводе главы сбалансированы два суждения: 1) о том, что культура умеренности и традиционные христианские ценности не способствовали необходимой для поддержания империи модернизации и 2) что модернизация сама по себе не приносит счастья; ведь «самый образованный народ на Земле совершал самые страшные в мировой истории преступления против человечества во время Второй мировой войны, причем совершал их, если можно так выразиться, весьма профессионально, эффективно и на высоком технологическом уровне, иногда под музыку Бетховена, Моцарта или Вагнера» (Миронов, 2015b: 542–543).

Такая уравновешенность нужна автору для обоснования народного капитализма: «народный капитализм, возможно, лучший вариант развития: россиянин любит быть производителем, владельцем и управленцем одновременно» (Миронов, 2015b: 744). Не знаю, имеет ли автор в виду самоуправление в духе офтальмолога С.Н. Федорова или ему ближе семейное предпринимательство восточноазиатского типа. Но знаю, что в позапрошлом веке русская интеллигенция лелеяла планы общинного социализма в стремлении избежать язвы пролетариата. Она тоже мечтала сбалансировать коллективизм и передовое хозяйство, а вылилось все в печальной памяти колхозы. Опека над народным бизнесом автор предписывает государству, но пока у этого государства получается опекать миллиардные состояния и поддерживать сырьевых и финансовых монополистов.

А заканчивается том и, следовательно, весь труд подразделом «Делает ли модернизация человека счастливее?» (Миронов, 2015b: 739–744). Научная корректность требует от меня возразить автору, столь виртуозно владеющему языком статистики.

Модернизированные общества не являются чемпионами по уровню агрессии и насилия. Самый высокий процент смертей человека от рук другого человека наблюдается в сообществах охотников-собираателей (Назаретян, 2008). Что касается счастья, то, по стандартного индексу World Happiness¹, список счастливых стран, составляемый Сетью ООН по решениям в области устойчивого развития, в 2015 г., третий год подряд, возглавляла Швейцария. Следом шли Исландия, Дания, Норвегия и Канада. Замыкали список из 158 стран Того, Бурунди, Бенин, Руанда и Сирия. Россия оказалась на 64 месте (Индекс счастья..., 2016). Утверждение, что в Швейцарии люди ощущают себя более довольными жизнью, чем в Руанде и Сирии, почему-то не вызывает у меня никакого возражения.

Громадное повествование «Российская империя...» обречено стать энциклопедией по истории русской жизни от Петра I до Николая II. Причем энциклопедия эта роскошно иллюстрирована, снабжена колоссальным статистическим аппаратом, обширнейшей библиографией и прекрасно написана. Сделал это один человек, его авторские интонации отчетливо выражены. Можно соглашаться с ними, а можно нет, но это не умаляет высокого профессионализма монументального труда.

Рецензент полагает, что и вне риторического комментария, на который историк, как и любой пишущий на общественно-гуманитарные темы, разумеется, имеет полное право, громадный историко-эмпирический материал книги подтверждает идею о поступательном движении экономики, государственного управления, социальной структуры, благосостояния, культуры России с начала XVIII в. до 1917 г.

Литература

Брунер и др., 1971 – Исследование развития познавательной деятельности / Дж. Брунер, Р. Олвер, П. Гринфилд (ред.). М., 1971. 389 с.

Зеленин, 1991 – Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 507 с.

Индекс счастья..., 2016 – Индекс счастья: Швейцария на первом месте, Россия – 64-я. URL: https://www.bbc.com//russian/international/2015/04/150424_world_happiness_switzerland (дата обращения: 19.05.2016).

Коул, 1997 – Коул М. Культурно-историческая психология: Наука будущего. М., 1997. 431 с.

Миронов, 2000 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.

Миронов, 2014 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.

Миронов, 2015а – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.

Миронов, 2015б – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.

Назаретян, 2008 – Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М., 2008. 256 с.

Поршнев, Анцыферова, 1971 – История и психология / Б.Ф. Поршнев, Л.И. Анцыферова (ред.). М., 1971. 379 с.

Шкуратов, 1990 – Шкуратов В.А. Психика. Культура. История (Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии). Ростов/Д, 1990. 252 с.

Шкуратов, 1997 – Шкуратов В.А. Историческая психология. Изд. 2-е, расшир. М., 1997. 505 с.

¹ «При составлении рейтинга учитываются такие показатели благополучия, как уровень валового внутреннего продукта на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, наличие гражданских свобод, чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне, стабильность семей, гарантии занятости, уровень коррупции, а также такие категории, как уровень доверия в обществе, великодушие и щедрость. Помимо указанных косвенных показателей, основную часть исследования составляют результаты опросов общественного мнения жителей разных стран о том, насколько счастливыми они себя чувствуют, которые проводил Международный исследовательский центр Гэллапа (Gallup International) в период с 2013 по 2015 год. Исходя из указанных параметров, люди в каждой стране оценивали свое ощущение счастья по специальной шкале. В итоговый рейтинг нынешнего года вошли 158 стран» (Индекс счастья..., 2016).

- Шкуратов, 2005** – Шкуратов В.А. Интеллигенция в проекте современности // Логос. 2005. № 6 (51). С. 243–252.
- Шкуратов, 2006** – Шкуратов В.А. Искусство экономной смерти: (Сотворение видеомира). Ростов/Д, 2006. 399 с.
- Шкуратов, 2009** – Шкуратов В.А. Новая историческая психология. Ростов/Д, 2009. 206 с.
- Шкуратов, 2011** – Шкуратов В.А. Психология в истории культуры и познания. Ростов/Д, 2011. 267 с.
- Шкуратов, 2015** – Шкуратов В.А. Историческая психология. Изд. 3-е, расшир. Книга первая: Введение в историческую психологию. М., 2015. 243 с.

References

- Bruner i dr., 1971** – Issledovanie razvitiya poznavatel'noi deyatel'nosti [Studies in cognitive growth] / J. Bruner, R. Olver, P. Grinfeld (red.). Moscow, 1971. 389 p. [in Russian].
- Indeks schast'ya..., 2016** – Indeks schast'ya: Sweitsariya na pervom meste, Rossiya – 64-ya [Index of happiness: Switzerland in first place, Russia – 64th]. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/04/150424_world_happiness_switzerland (data obrashcheniya: 19.05.2016).
- Koul, 1997** – Koul M. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya: Nauka budushchego [Cultural-historical psychology: A future science]. Moscow, 1997. 431 p. [in Russian].
- Mironov, 2000** – Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 т. 2nd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2000. Т. 1. 548 p.; Т. 2. 566 p. [in Russian].
- Mironov, 2014** – Mironov B.N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 т. Т. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].
- Mironov, 2015a** – Mironov B.N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 т. Т. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].
- Mironov, 2015b** – Mironov B.N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 т. Т. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].
- Nazaretyan, 2008** – Nazaretyan A.P. Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizatsii: Ocherki po evolyutsionno-istoricheskoi psikhologii [Anthropology of violence and culture of self-organization: Essays on evolutionist-historical psychology]. Moscow, 2008. 256 p. [in Russian].
- Porshnev, Antsyferova, 1971** – Istoriya i psikhologiya [History and psychology] / B.N. Porshnev, L.I. Antsyferova (red.). Moscow, 1971. 379 p. [in Russian].
- Shkuratov, 1990** – Shkuratov V.A. Psikhika. Kul'tura. Istoriya (Vvedenie v teoretiko-metodologicheskie osnovy istoricheskoi psikhologii) [Psychics. Culture. History (Introduction to theoretical-methodological foundations of historical psychology)]. Rostov-na-Donu, 1990. 252 p. [in Russian].
- Shkuratov, 1997** – Shkuratov V.A. Istoricheskaya psikhologia [Historical psychology]. Izd. 2-e. Moscow, 1997. 505 p. [in Russian].
- Shkuratov, 2005** – Shkuratov V.A. Intelligentisiya v proekte sovremennosti [Intelligentsia in the project of modernity] // Logos. 2005. Nr 6 (51), pp. 243–252 [in Russian].
- Shkuratov, 2006** – Shkuratov V.A. Iskusstvo ekonomnoi smerti [An art of economical death]. Rostov-na-Donu, 2006. 399 p. [in Russian].
- Shkuratov, 2009** – Shkuratov V.A. Novaya istoricheskaya psikhologiya [New historical psychology]. Rostov-na-Donu, 2009. 206 p. [in Russian].
- Shkuratov, 2011** – Shkuratov V.A. Psikhologiya v istorii kul'tury i poznaniya [Psychology in the history of culture and knowledge]. Rostov-na-Donu, 2011. 267 p. [in Russian].
- Shkuratov, 2015** – Shkuratov V.A. Istoricheskaya psikhologiya [Historical psychology]. 3-e izd. Moscow, 2015. 243 p. [in Russian].
- Zelenin, 1991** – Zelenin D.K. Vostochnoslavyanskaya etnografiya [East Slavic ethnography]. Moscow, 1991. 507 p. [in Russian].

УДК 94(47)

Историческая психология в «Российской империи...» Б.Н. МироноваВладимир Александрович Шкуратов^{а,*}^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. По мнению В.А. Шкуратова, противоречия в развитии исторической психологии связаны с кардинальным методологическим различием двух современных наук о человеке и обществе: историки работают с документами прошлого, психологи с приборно-тестовыми данными о живых людях. Совместить две познавательные системы в устойчивый научно-исследовательский комплекс до сих пор не удалось. Поэтому объяснимо обращение Б.Н. Миронова в книге «Российская империя...» к социологической классике второй половины XIX – начала XX в. – доктрине коллективных представлений Э. Дюркгейма. Последняя привычно дополняется дихотомией «примитивная ментальность – рациональная ментальность» в редакции Л. Леви-Брюля. Шкуратов отмечает, что параллельно с исходным тезисом о том, что коллективные представления крестьян в XVIII – первой половине XIX в. соответствовали христианскому идеалу, формируется антитезис о мифологическом типе сознания деревенских и городских низов. «Мифологичные» же, по Л. Леви-Брюлю и К. Леви-Строссу, есть люди первобытности, а христианство входит в генеалогию европейской рациональности. В силу этого предлагается отделить от традиционализма архаику и рассматривать российскую ментальность в соотношении трех или более социокультурных порядков. Оценивая монографию Миронова в целом, Шкуратов полагает, что громадный историко-эмпирический материал книги подтверждает точку зрения о поступательном движении экономики, государственного управления, социальной структуры, благосостояния, культуры России с начала XVIII в. до 1917 г.

Ключевые слова: Российская империя; модернизация; русская культура; коллективные представления; историческая психология; мифологическое сознание; архаика; традиционализм; современность; счастье.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: narradigma94@yandex.ru (В.А. Шкуратов)